

4 - АПР 1976

КУРЬЕР 9 МУЗ

Сегодня афиши ГАБТа снабжены пометой: 200-й сезон. Два века исполнилось театру, который по праву носит гордое имя — Большой. В этом имени — высота, величие советского искусства и все-народная любовь к нему.

Большой театр Союза ССР встретил свою двухсотую весну в замечательное время. Великий Большой театр — воплощение всего, чем красива и богата музыкальная, оперная и хореографическая

БОЛЬШОЙ ТЕАТР:

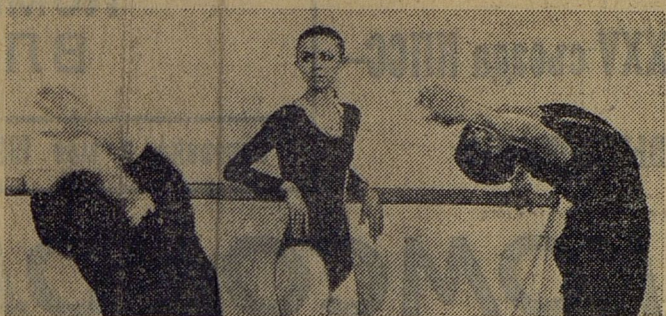

ДВУХСОТАЯ ВЕСНА

классика, и вместе с тем — дерзновенная устремленность вперед.

Юбилей ГАБТа будет широко отмечаться в мае. Для нас это счастливая возможность рассказать о традициях и молодости Большого, о его художественных и этических уроках, о его роли в формировании богатейшего духовного мира нашего современника; познакомить читателя с его звездами и молодежью, делающей первые шаги на сцене.

Вот уже пятьдесят шестой сезон в Большом театре работает человек, который всем балетным миром признан как один из лучших педагогов. Это Асаф Михайлович Мессерер. Когда он бывает на гастролях за рубежом, его класс, его урок чуть ли не ежедневно показывают по телевидению. Здесь, в Москве, почти каждый день в его репетиционном зале сидят гости. Фото- и киноаппараты запечатлевают черновики совершенных поз; в тет-

«ЗВЕЗДНЫЙ» КЛАСС МАСТЕРА

радки прилежно заносятся гармонии сочиненных им движений...

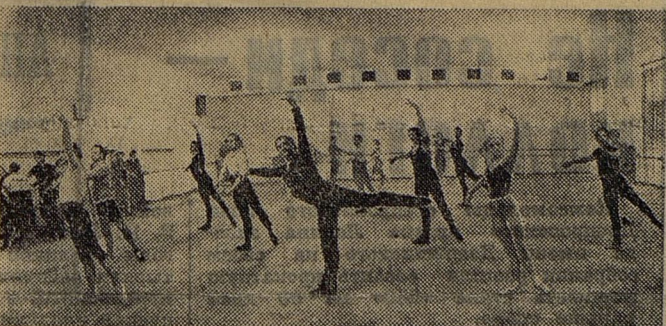
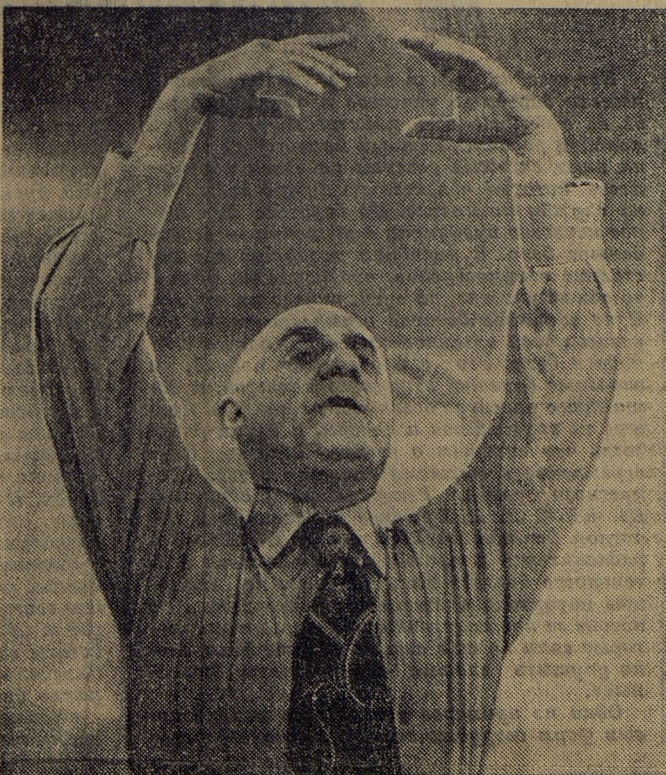
Настоящее вырастает из прошлого. Балетный театр особенно дорожит духом преемственности, чтобы перебросить эхо былого к сегодняшнему дню, не дать пресечься во времени тому, что закреплено во вчерашнем опыте.

Мало кто знает, что педагогом Мессерер стал почти в то же самое время, когда и танцовщиком: в восемнадцать лет. Само имя его вошло в искусство благодаря великому балетмейстеру Большого театра Александру Алексеевичу Горскому. Тот выделил его еще в частной студии, в 1919 году. (К слову, всего через несколько месяцев после того, как Асаф Мессерер вообще занялся танцами). Школа бывшего императорского театра всегда была учреждением привилегированным. Принимались туда обычно дети узкого театрального клана либо по очень высокой протекции. Горский стал одним из авторов идеи — набрать в школу способных взрослых людей. Из-за войны, голода, экономических трудностей училище было закрыто, и Большой театр несколько лет не получал пополнения.

Мессерер был принят сразу в выпускной, восьмой класс.

А еще через год Асаф Михайлович стал блестящим солистом Большого театра. Ему рсточали комплименты и ему же недобро изумлялись стражи балетного академизма. Новоявленный питомец Терпсихоры ломал крутую «лестницу восхождения»! Но он действительно был взрослым и ясно осознавал, что упустил время для постепенного ученичества. И он уплотнял неистовой работой каждый час своей жизни. И если бы можно было нарисовать генеалогическое древо его собственной плодотворной выучки, то ветви его протянутся и в московскую школу танца, выразителем которой был сам Горский, и — к «генералам» петербургского балета — Павлу Андреевичу Гердту и Христиану Петровичу Иогансону, причем не впрямую, а опосредованно, через плеяду их блистательных учеников — Легата, Ваганову, Гельцер, Тихомирова, Семенова...

— Я чувствовал, что любое нарушение «канонного движения» влечет за собой цепочку фальши, «грязь», — рассказывает Мессерер. — Значит, существует прием, с помощью которого можно легко, чисто, красиво выполнить любое движение. Но как это сделать — все педагоги объясняли по-разному. И это изумляло меня. Горский всегда создавал интересные композиции, маленькие вариации, которые могли бы украсить любой балет. Технической стороне танца Горский придавал несколько меньшее значение. «Палочной синхронности», муштры у него не было. На его уроках мы действительно танцевали, что по тем временам было редким явлением. Потом я занимался в классе выдающегося танцовщи-

ка Василия Дмитриевича Тихомирова, который, наоборот, неукоснительно придерживался правил «петербургской академии». И он умел расшифровать прием. Он же первый натолкнул меня на мысль, что для каждого урока нужна своя тема.

Вынашивая свой идеал танцовщика, Мессерер по крупицам отбирал впрок все лучшее, что существовало в балетной педагогике, у близких и далеких его предшественников.

Так он говорит о себе. Надо лишь сделать поправку на его деликатность, на его скромность и понять, что тот класс, который он дает сегодня, — не мозаика, не простая сумма, но самостоятельное направление, достигнутое в синтезе, в единстве отрицания и миролюбия. Он создал то, что до него не существовало: методологию ведения уроков классического танца. Открыл некоторые законы профессии. И эту систему он — сам блестящий танцовщик! — без конца проверял и обновлял на себе и своих учениках. И какие это были ученики!.. Уланова, Лепешинская, Тихомирова, Габович, Преображенский, Корень, Либепа, Фадеечев...

И сегодня у него в Большом театре — звездный класс.

Они сходятся по утрам в репетиционном зале — Майя Пли-

сецкая, Владимир Васильев, Борис Акимов, Юрий Владимиров, Александр Годунов, Михаил Лавровский, Владимир Тихонов, Людмила Семеняка, Малика Сабилова (когда она приезжает в Москву из Душанбе) и еще двадцать или тридцать танцовщиков и он, их педагог Асаф Михайлович Мессерер, сомкнутые духом порядка и равновесием взаимной удаи: они — возможностью учиться у Мастера, он — возможностью расточить себя в столь прекрасном материале.

Надо видеть тот домашний жест, каким он снимает свой пиджак и вешает его на спинку стула. Слышать ту скороговорку, какой он почти проборматывает им начальные движения — все эти плие, тандю, де-велоппе... А дальше он «запускает» их тела в стихию танца. Он как никто знает, что, уравненные чином учеников, они потребуют за свою скромность безмерной художественной и этической самоценности. Чем же еще можно завоевать их добровольное послушание, их уважение?

Он ведет свой урок по законам искусства, логики и доброты.

И так — сегодня и каждый день...

Р. ШЕЙКО.

Фото А. АНТИПЕНКО.